

ТЕКСТОВАЯ ПУНКТУАЦИЯ И ЕЁ СОДЕРЖАТЕЛЬНЫЕ СВОЙСТВА

Л. М. Кольцова
Воронежский университет, Россия

Одна и та же поза будет казаться изменчивой до бесконечности, так как она может быть видима с бесконечно многих мест, а эти места обладают непрерывной величиной, а непрерывная величина делима до бесконечности.

Леонардо да Винчи

Исследование пунктуации как системы требует определения ей места и роли в кругу письменных речевых средств в целом, а также статуса соответствующего раздела науки о языке в системе современного лингвистического знания, в современной лингвистической парадигме, которая “существенно изменила стратегию в изучении невербальных компонентов текста и речи” и “создала необходимые условия для пересмотра многих лингвистических концепций, усилила интерес к различным явлениям”, как отмечает в своих интересных и во многом новаторских исследованиях Н.Л. Шубина [Шубина 1999: 3]. Несомненно и то, что для той сферы, к которой до сих пор привязана пунктуация, сферы грамматики, пунктуация – явление “маргинальное” или “периферийное”. Вместе с тем нам представляется, что взгляд на пунктуацию как на некое приложение к синтаксису не соответствует именно принципам новой лингвистической парадигмы, в которой “грамматика (как наука об общих принципах устройства языковых уровней) чётко противопоставляется другой науке – науке об использовании языка говорящим человеком” [Ломов 2000: 12]. И пишущим человеком – несомненно. Система языковых форм (или элементов), составляющих предмет грамматики и включающих в себя уровни звука, морфа, слова и предложения, жёстко задана человеку.

В этом царстве грамматики какое-либо субъективное языковое творчество (или самодеятельность) не просто строго регламентировано, а практически исключено. В то же время возможность комбинации знаков, элементов, компонентов, обладающих

языковой семантикой, увеличивается по мере восхождения по иерархическим ступеням уровней языка, стремясь к бесконечности на вершине иерархии, что и проявляется в существовании неисчислимого множества оригинальных текстов.

Для создания, восприятия и интерпретации текста пунктуация и средства её репрезентации имеют чрезвычайно большое значение. Как отмечает Г.Селье, “человеческий мозг устроен таким образом, что отказывается оперировать мыслями до тех пор, пока они не облечены в более или менее чёткую индивидуальную форму – понятийные блоки... мыслительные блоки, или понятийные элементы, связаны друг с другом весьма свободно, и содержимое их неоднородно” [Селье 1987: 254].

Осмысленное, осознанное распределение пунктуационных позиций, их использование и фиксация, визуально репрезентирующая понятийные блоки, – необходимое требование письменной речи. Следует заметить, что есть все основания говорить именно о письменном языке как языке культуры, поскольку “как язык отличает человека от животного, так письмо отличает цивилизованного человека от варвара” [Gelb 1952: 221].

Современные нейропсихологические исследования показывают, что письменная речь является существенным средством в процессах мышления. Можно сказать, что она – не просто средство, а способ мышления, поскольку включает в себя, с одной стороны, “сознательные операции языковыми категориями”, а с другой стороны, “обеспечивает сознательный контроль за протекающими операциями. Всё это делает письменную речь мощным орудием уточнения и обработки мыслительного процесса. Поэтому письменная речь используется не только для того, чтобы передать уже готовое сообщение, но и для того, чтобы отработать, уточнить собственную мысль... Именно поэтому письменная речь как работа над способом и формой высказывания имеет огромное значение и для формирования мышления” [Лурия 1998: 273–274].

Таким образом, в онтогенезе сложной, развёрнутой, сохраняющей благодаря особым способам, средствам, приёмам своё единство и устойчивость письменной речи пунктуация как система (назначение которой – объединение, соединение, связывание и координация языковых элементов в понятийные блоки, смысловые группы, фразы, синтагмы, т.е. построение текста) принадлежит конституирующая роль.

Этот, казалось бы, очевидный факт, заключающийся в том, что пунктуация – это совокупность позиций, обеспечивающих в первую очередь смысловое единство, совершенно игнорируется в расхожих определениях пунктуации.

Например, энциклопедия “Русский язык” (1979) определяет пунктуацию как “то же, что знаки препинания”, которые указывают на “смысловое членение” письменной речи [с. 244]. В Большом Энциклопедическом Словаре “Языкознание” (1998) пунктуация определяется как “система знаков препинания”, главное назначение которой – “членение и графическая организация письменного (печатного) текста, а общие функции знаков препинания – “отделение (разделение) и выделение элементов текста” [с. 406].

Уместно в связи с этим вспомнить слова А.С. Пушкина, сказанные в “Опыте отражения некоторых нелитературных обвинений”: “Я заметил, что самое неосновательное суждение получает вес от волшебного влияния типографии. Нам

всё ещё *печатный лист кажется святым*. Мы всё думаем: как это может быть глупо или несправедливо? Ведь это напечатано!” [Пушкин, с. 791].

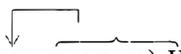
Столь подробное рассуждение об определении пунктуации и её назначении кажется нам необходимым потому, что имеет принципиальный, методологический характер. Закрепившаяся, глубоко укоренившаяся в лингвистической теории и практике преподавания дефиниция, в которой указание на главный принцип пунктуации, её основное значение элиминировано, как само собой разумеющееся, оказывает чрезвычайно негативное влияние на изучение и обучение пунктуации, поставив всё с ног на голову. Это аналогично тому, как если бы в математике вместо четырёх арифметических действий в нашем распоряжении каким-то образом оставили только два: вычитание и деление. Именно такую операцию проделали с пунктуацией и знаками препинания, навязчиво втолковывая, что, создавая письменно текст, мы должны всё время что-то разделять и выделять. Идеи связности, соединения, непрерывности, координирования практически исключены из правил, хотя именно эти идеи – база речемыслительной деятельности. Сила языкового сознания, здравого смысла однако настолько велики, что вопреки дефинициям, правилам, методам обучения человек пишущий (и читающий) интерпретирует пунктуацию (и соответственно – знаки препинания) адекватно её предназначению: соединять, *сочленять* смыслы. Совершенно закономерна типичнейшая “ошибка” учащихся, когда они утверждают, что средством связи, например, однородных членов или однородных придаточных предложений в составе сложноподчинённого предложения является запятая. Кстати, в языке математики запятая соответствует союзу “и”, “читается” как знак соединения.

Понимание пунктуации как средства реализации идеи смыслового единства частично нашло отражение в не до конца разработанной теории письма Л.В. Щербы, который вывел в качестве основной единицы в процессе “речи-мысли” синтагму – синтаксическую единицу, выражающую единое смысловое целое и фонетически сложенную усилением последнего словесного ударения. В предложенной Л.В. Щербой идеографической классификации знаки препинания призваны оформлять единство слова, единство синтагмы, единство высказывания, части текста и т. п. К сожалению, эти идеи не оценены, не воплощены в практику изучения и обучения пунктуации в достаточной мере.

В сфере изучения и обучения пунктуации наглядно проявляется то положение дел, когда полная “размытость границ между смыслом и языковой семантикой приводит к парадоксальному, на первый взгляд, но в действительности закономерному результату: лингвистический анализ, изначально ориентированный на форму, в конечном счёте игнорирует эту форму и её собственно языковое содержание” [Ломов, Гусман 1999].

Так, исследователи текстовой пунктуации по-разному интерпретируют и оценивают пунктуацию того или иного автора, используя такие определения, как “авторская”, “факультативная”, “стилистическая” пунктуация, как будто в рамках художественного произведения что-то может быть неавторским, необязательным, внестилевым и т.п. (если, конечно, художественное произведение исследуется как предмет, а не используется в качестве “материала” для иллюстрации, анализа каких-то иных языковых феноменов). Очевидно и бесспорно, что невозможно выявить

специфическое, индивидуальное, не имея фона, не определив хотя бы в общих чертах конвенциональную сущность пунктуационных единиц и средств их репрезентации, типичные функции этих средств. Ясно и то, что эта “сущность” не может быть выведена из соотношения интонации и пунктуации, поскольку сама интонация – только форма предоставления семантических языковых единиц. Так же непродуктивно искать опору для пунктуации в грамматическом устройстве предложения, поскольку само это грамматическое устройство, особенно актуальное членение предложения нередко “вычитывается” именно из пунктуационного оформления. Да и само актуальное членение – это форма репрезентации смыслов. Так, например, в зависимости от постановки знаков препинания нередко трактуется, определяется однородность-неоднородность членов предложения. А для “превращения” предложений из простых в сложные (и наоборот), из полных в неполные, из односоставных в двусоставные (ср. “Мне всё равно” и “Мне всё – равно” (А. Блок)) оказывается достаточно одного знака препинания. Ясно, что на самом деле некие другие, непознанные и пока неназванные сущности, более глубинные смыслы “управляют” истинными правилами пунктуации. Рассмотрим для примера предложение “Ясная зимняя ночь наступила”. Характеристика, квалификация определения в нём целиком зависит от пунктуационного оформления. В данном предложении определения будут квалифицироваться

как неоднородные (по схеме ясная зимняя ночь). Но в реальном тексте “Ночи перед рождеством” Н. В. Гоголя представлено другое предложение (с тем же лексическим составом и в той же грамматической форме): “Ясная, зимняя ночь наступила”. В этом случае мы должны искать общие основания для “однородности” определений. В действительности же функция запятой здесь совершенно иная. Такого рода представление определений (номинативной периферии предложения), учитывая их позицию в начале предложения (место того или иного элемента в составе предложения, по нашему мнению, тоже пунктуационная позиция) меняет, в первую очередь, их коммуникативную роль, превращая в рематический компонент предложения (ср.: “Наступила ясная, зимняя ночь” – тематически недетерминированное предложение; “Ночь наступила / ясная^R, зимняя” – тематически детерминированное предложение с квалифицирующей составной ремой). В предложении “Ясная, зимняя ночь наступила” представлена сложная рема, состоящая из двух компонентов: констатирующего, представленного глаголом “наступила” и квалифицирующего сложного (“ясная, зимняя”). Обусловлена же такая репрезентация коммуникативной перспективы предложения соотношением первого предложения текста с его заглавием. Это не просто “ясная, зимняя ночь”, это “ночь перед Рождеством”, где общая тема (метатема текста) обозначена, а слово “Рождество” содержит “бездну смысла”, которая частично реализуется в ходе художественного повествования. Что касается номинативного содержания предложения, здесь мы можем отметить некий переходный, промежуточный этап, шаг к формированию в номинативном центре предложения второго сказуемого (что и осуществляется при “перестановке мест слагаемых”: “Ночь наступила ясная, зимняя”). Но автору важно “удержать” статус глагола “наступила”, ибо в нём реализован смысл “напряжённое ожидание”: наконец-то наступила ночь, в которую должны произойти необыкновенные события.

В более общем плане, с точки зрения прагматической, представление неоднородных в смысловом отношении элементов, единиц как однородных есть то, что И.С. Тургенев называл “стремлением к отысканию общих начал в частных явлениях как одно из коренных свойств человеческого ума”.

Такого рода представление определений для самого И.С. Тургенева – излюбленный приём. Вот только несколько примеров из романа “Рудин”:

Весенний, светлый день клонился к вечеру...

В саду пел соловей свою *последнюю, предрассветную* песню...

Глаза её были устремлены на него с *печальным, прощальным* упрёком...

Доверчивое, неожиданное прикосновение *молодой, честной* души смутит хоть кого...

Крупные, сверкающие капли сыпались быстро, с каким-то сухим шумом, точно алмазы...

По ясному небу плавно неслись, не закрывая солнца, *низкие, дымчатые* тучи и по временам роняли на поля обильные потоки *внезапного и мгновенного* ливня...

Для нас важно отметить тот факт, что общая мировоззренческая установка художника находится в гармоническом единстве с формой выражения мысли, идеи, образа.

Как справедливо отмечает Т. А. ван Дейк, “нам ещё не известно *как* на самом деле строится репрезентация прагматического контекста и самого текста в процессе коммуникации. Мы не знаем точно, каким образом информация, полученная при *зрительном восприятии* соединяется с *логическими и прочими выводами* (курсив наш) и актуализированными фреймами; мы не знаем, в какую форму облекается полученная информация, как она хранится и как соединяется с имеющимися в распоряжении человека знаниями, желаниями, эмоциями... Все эти вопросы представляют собой направления будущих исследований в области когнитивных основ прагматических структур” [ван Дейк 1989: 37–38].

Именно эти вопросы имеют первостепенное значение для исследования текстовой пунктуации.

Определяя место теории пунктуации в системе современной лингвистической науки, можно с полным основанием утверждать, что в сфере *лингвистики текста*, том её направлении, которое сближается (пересекается) с герменевтикой (в широком понимании этого термина) как наукой о толковании неявных смыслов текста, достаточно свободного пространства для теории пунктуации, призванной исследовать, описывать, объяснять многие явления, связанные с графической организацией текста; способами, средствами создания единого, видимого, зримого воплощения идеального содержания в литературную форму, которая представлена в виде определённой “**текстопунктуры**”.

В исследование текста с неизбежностью должно входить решение следующих задач:

- определение характера пунктуационных позиций (сильных и слабых, основных и комплементарных);
- установление иерархии пунктуационных единиц в конкретном тексте, фрагменте текста;
- выявление мотивированности “замещения” позиций (маркированности/ немаркированности) знаками препинания;
- описание значения и функций знаков препинания (или значимого отсутствия знаков) в текстовом пространстве. Минимальным контекстом для определения значения и функций позиций и маркирующих их знаков должен быть фрагмент текста, фиксируемый *абзацным отступом*, ибо именно этот знак препинания сигнализирует о повороте мысли, смене макропозиции;
- соотнесение пунктуации с другими способами и средствами организации текстового пространства (интонационными, лексическими, грамматическими); выявление связи между пунктуационными единицами и другими единицами, структурирующими смысл;
- выявление закономерностей, описание пунктуационных “сценариев” в разных текстах одного и того же автора на основе наблюдения за регулярностью появления тех или иных пунктуационных средств в тексте, т.е. определение системности “пунктуационной нотации”;
- сравнение “текстопунктуры” в произведениях разных жанров одного автора и текстов разных авторов;
- сопоставление текстовой пунктуации художественной речи с установленными нормами, что позволит не просто выявить “авторский почерк”, но и значительно усовершенствовать определение принципов, корректировать правила;
- обнаружение закономерностей, которые существуют, вне всякого сомнения, на которых базируются наиболее распространённые, типичные способы организации; описание “текстопунктуры” в терминах, соответствующих современному уровню лингвистического, научного знания;
- введение пунктуации как раздела науки о языке в тот круг знаний, который связывает лингвистику текста, герменевтику, синергетику как науку, занимающуюся разработкой проблем нелинейного мышления, т.е. осознание пунктуации как части тех знаний, которые касаются мыслительной, творческой деятельности человека.

Из “прикладного” звена пунктуация должна превратиться в отправное звено (“Дайте мне точку опоры!..”).

В том, что развитие пунктуации как системы идёт именно в направлении всё большего, деятельного, подробного, адекватного отражения нелинейного мышления, реализуемого в структуре и системе языковых средств, не приходится сомневаться. Тем более, что современные технические возможности для пишущего и читающего расширяют выбор средств и способов оформления текста. К сожалению, нам не известны работы, в которых бы ставился вопрос о том, какие изменения в сознание,

психологию восприятия и понимания текста вносят технические средства, например, перевод текста из горизонтальной в вертикальную плоскость. А этот “перевод” – очень существенное явление.

Надо отдать себе отчёт в том, что поставленные задачи весьма объёмны, сложны, их невозможно решить “буйным набегом”. Для адекватного теоретического осмысления и описания пунктуации необходима обработка большого числа целостных текстов. Но если проблема обозначена, целесообразность её решения будет признана, появится перспектива и стимул для подробных исследований. В конечном итоге, лингвистическая наука получит научно обоснованную, обладающую достаточной объяснительной силой и занимающую достойное место теорию пунктуации, типологию пунктуации русской письменной речи; на основе такой теории, в свою очередь, могут разумно и плодотворно, результативно решаться практические, в первую очередь, лингводидактические, задачи. Новые идеи должны лечь и в основание свода правил, пунктуационного кодекса, поскольку наличие такого кодекса – важный и необходимый шаг в формировании общих “пунктуационных представлений”, понятий, способствующих созданию единого письменного “культурного пространства” для пишущих и читающих. Но следует помнить и о том, что “кодекс”, свод правил, знание правил – это только первая ступень в освоение системы пунктуации (а не сама система!). Эта ступень аналогична изучению букв алфавита. Она обязательна, неизбежна, но *элементарна*, как умение складывать буквы и слоги. На самом же деле владение пунктуацией требует умения и навыка выявления отношений между элементами системы и установления межсистемных связей. Пунктуационные правила, установленные с позиций когнитивной теории употребления языка, тоже должны давать ключ к *пониманию* речевого произведения. Как отмечает Т. ван Дейк, “необходимо помнить, что конечной целью прагматической теории языка является установление связи между высказываниями (и, следовательно, грамматикой), с одной стороны, и различными видами взаимодействия (и, следовательно, социальными науками) – с другой” [ван Дейк 1989: 13].

Когнитивная синергетическая сущность пунктуации, её роль в репрезентации не только связи между элементами высказывания, фрагментами текста, но и способность выводить на поверхность текста глубинные, подтекстовые, затекстовые связи и отношения, – несомненно. Это со всей очевидностью обнаруживается при анализе пунктуации художественного текста. Такой анализ – совершенно необходим для адекватной интерпретации смысла художественного произведения. Можно взять на себя смелость утверждать, что и для понимания особенностей мышления автора, поскольку в способах связи высказываний, особенностях компоновки их, общей организации текста, т.е. в “пунктуационной композиции” отражается с неизбежностью способ видения мира, реального и умопостигаемого, удвоенного языком и “утроенного” письменной речью. “Пунктуационное поле”, засеянное сознательно отобранными знаками препинания (и развёрнутое в определённом порядке), помогает автору на текстовом пространстве взрастить и представить мысль, “готовую к употреблению”.

Система позиций и совокупность знаков, их фиксирующих (или снимающих) в конкретном речевом произведении связывает потенциальный ритмо-мелодический, лексический, синтаксический уровни, в единстве целенаправленно выражает общую установку, замысел, поддерживает образный строй, создаёт эмоциональный регистр

и выявляет суггестивный потенциал текста. Все эти свойства пунктуации обнаруживаются особенно отчётливо при анализе “программных” произведений сравнительно небольшого объёма. Посмотрим под этим углом зрения на пунктуационное пространство известного стихотворения А.С. Пушкина “Воспоминание”:

Когда для смертного умолкнет шумный день
И на немые стогны града
Полупрозрачная наляжет ночи тень
И сон, дневных трудов награда,
В то время для меня влачатся в тишине
Часы томительного бденья:
В бездействии ночном живей горят во мне
Змеи сердечной угрызенья;
Мечты кипят; в уме, подавленном тоской,
Теснится тяжких дум избыток;
Воспоминание безмолвно предо мной
Свой длинный развивает свиток;
И с отвращением читая жизнь мою,
Я трепещу и проклиная,
И горько жалуясь, и горько слёзы лью,
Но строк печальных не смываю.

Особенность пунктуационного оформления стихотворения, которая не может быть не замеченной даже при самом поверхностном чтении, – отсутствие в сильных позициях так называемых “конечных” знаков препинания, хотя грамматическая самостоятельность номинативных синтаксических единиц не вызывает сомнения. Назначение знаков в основных сильных позициях, “поддержанных” к тому же сильной позицией конца стихотворной строки – показать связь, тесное смысловое единство частей текста, организовать это единство, в котором обнаруживаются по меньшей мере три плана изображения, три мира. Во-первых, это мир объективной реальности (событийный план); во-вторых, мир субъективной реальности (психологический план); в-третьих, мир воображаемой реальности, созданной фантазией, напряжением творческой мысли поэта, мир, возникающий под влиянием и обстановки, и психического состояния, и особой организации творческого вдохновения. Это тот “параллельный мир”, который сам А. С. Пушкин называл “мечтательным миром”, где “Сменяются виденья Перед тобой в волшебной мгле, И быстрый холод вдохновенья Власы подъемлет на челе” (“Когда к мечтательному миру...”).

Изображение последовательно развёртывается в ещё один вполне реальный мир, объективно существующий в виде артефакта: эстетически совершенный мир художественного текста, получивший воплощение материальное и жизнь, независимую от желаний и воли своего создателя, и в силу своего объективного

существования обретающего своих читателей, почитателей, критиков и интерпретаторов.

Художественное пространство “Воспоминания” – “свиток жизни”. Поэт сам уподобляет жизнь тексту, в котором соединяются начала и концы. Пространство это свёрнуто, как свиток. В нём изменено и течение времени (как во всяком свёрнутом пространстве), оно течёт от будущего (умолкнет, наляжет) к настоящему, а в целом – соотнесено с прошлым, включённым в семантику слова “воспоминание”, занимающему самую сильную в иерархии позиций позицию заголовка, являющуюся и вершиной семантической иерархии текста. Благодаря пунктуационной организации текст воспринимается не как линейная последовательность “событий”, а как непрерывная и многомерная картина Бытия, где явления связаны между собой на глубинном уровне как явления параллельных, одновременно существующих, взаимопроникающих пространств.

В таком “устройстве” текста особая роль принадлежит знаку “двоеточие”, связывающему особым образом (а может, создающему) две части текста. Этот знак, во-первых, сигнализирует о резкой смене пропозиции, обнаруживая визуально, подчёркивая причинно-следственные отношения между частями, изображающими картины “мира внешнего” и “мира внутреннего”, материального и идеального. Этот знак – знак “первого ранга” в тексте – не только переводит связь цепочки мыслей из ряда “одно за другим” в иное измерение одно в другом и по причине другого, усиливая тем самым внутреннюю связь “событий”, ибо “причинность – одна из форм всеобщей взаимосвязи явлений объективного мира” [Кондаков 1976: 479]. Двоеточие, будучи знаком, компенсирующим имплицитные смыслы, имплицитные связи, маркирует позицию двух частей текста, соотносящихся между собой по принципу “золотого сечения”, когда целое относится к своей большей части так, как большая – к меньшей. Известно, что “золотое сечение” (Божественная пропорция) – одно из оснований гармонии, совершенства произведений искусства. Обнаружение действия этого принципа в поэтическом произведении, на наш взгляд, может служить ещё одним важным свидетельством того, что существует единый закон, обуславливающий и объясняющий власть совершенной художественной формы, огромную силу воздействия подлинно поэтического произведения.

Л. Н. Толстой замечает: “Во всём, почти во всём, что я писал, мною руководила потребность собрания мыслей, сцепленных между собой, для выражения себя, но каждая мысль, выраженная словами особо, теряет свой смысл, страшно понижается, когда берётся одна из того сцепления, в котором она находится. Само же сцепление составлено не мыслью (я думаю), *а чем-то другим* (курсив наш), и выразить основу этого сцепления непосредственно словами никак нельзя: а можно только посредственно – словами описывая образы, действия, положения...” [Толстой 1953: 268–269].

Задача исследователя – обнаружить это “что-то”, способствующее особому сцеплению мыслей, в сфере пунктуации, не теряя при этом из виду и другие (более важные, существенные) текстовые связи. Пока же можно с полным основанием утверждать, что и автор, работая над созданием текста произведения, и интерпретатор (исследователь текста) не могут обойти стороной глубокую работу над текстовой пунктуацией, призванной “преодолеть культурную отдалённость, дистанцию,

отделяющую читателя от чуждого ему текста, чтобы поставить его на один с ним уровень и таким образом включить смысл этого текста в нынешнее понимание, каким обладает читатель” [Рикер 1995: 4].

Новый концептуальный подход к текстовой пунктуации с неизбежностью и необходимостью требует и новых методов анализа конкретного речевого материала. В первую очередь таким методом должно стать выявление **“пунктуационных стратегий”**, т.е. наиболее общих принципов построения, компоновки, расстановки, развёртывания языковых единиц; обнаружение пунктуационных **композигов**, объединяющих языковые единицы и организующие их в иерархически устроенные смысловые блоки. Поиск пунктуационных стратегий должен осуществляться на широком текстовом пространстве, в текстах разных авторов, произведениях разных жанров и текстах разной стилистической принадлежности.

На фоне выявленных наиболее общих стратегий (они частично и не вполне адекватно, но всё же намечены, выработаны нормативным использованием графических средств пунктуации – знаков препинания) возможно и необходимо исследование и описание **“пунктуационных тактик”**, т.е. анализ того, как поступают разные авторы в одних и тех же пунктуационных позициях, заданных языком.

Такой подход позволит, на наш взгляд, расширить и уточнить систему понятий, связанных со сферой пунктуации (как и сам объём понятия “пунктуация”); ввести эти понятия в круг тех знаний о специфике художественного текста, который включает в себя не только сугубо лингвистические аспекты, но и аспекты литературоведческие, психологические, философские и пр., т.е. объединяет всё, что связано с проблемами репрезентации различных **состояний сознания**; расширяет и углубляет представление о границах, рамках, формах реализации **творящего, созидającego сознания и осознания, интерпретации** этих форм **исследующим, познающим сознанием**.

Область пунктуации – благодатная сфера для доказательства одного из главнейших, первых утверждений феноменологии, суть которого заключается в том, что “часть подчиняется целому и целое охватывает часть в порядке некоей идеальной смысловой энергии... Целое не есть сумма своих частей, но ещё и некоторый новый идеальный образ, ни от каких частей не зависящий и ни на какие части не делящийся” [Лосев 1999: 82].

Вполне правомерно предположить, что каждый художественный текст, написанный рукой Мастера, имеет свою **пунктуационную стратегию и пунктуационную тактику**, обнаружение которых даёт внимательному взору возможность воспринимать художественную модель мира в представленном художником ракурсе.

Литература

Гоголь, Н.В. (1952): *Собрание сочинений в 6-ти томах*. Т.1, М.

Ван Дейк, Т.А. (1989): *Язык. Познание. Коммуникация*, М.

Кондаков, Н.И. (1976): *Логический словарь-справочник*, М.

Космические легенды Востока. (1992), Ростов-на-Дону, 1992.

- ЛОМОВ, А.М. (1994): *Типология русского предложения*, Воронеж.
- ЛОМОВ, А.М. (2000): «Грамматика: содержание и объём понятия», *Русский язык вчера, сегодня, завтра*, Воронеж.
- ЛОМОВ, А.М., ГУСМАН ТИРАДО, Р. (1999): «Русское сложноподчинённое предложение и проблема его содержательной интерпретации», *Вопросы языкознания*, М., № 6.
- ЛУРНЯ, А.Р. (1988): *Язык и сознание*, Ростов-на-Дону.
- ЛОСЕВ, А.Ф. (1999): «Музыка в контексте “высшего синтеза”», *Вопросы философии*. М. № 9.
- ПОПОВА, Л.А. (1996): *Пунктуационная система Мелентия Смотрицкого*: Автореф. дис. ... канд. филол.наук. Барнаул.
- ПУШКИН, А.С. (1993): *Золотой том. Собрание сочинений*, М.
- РИКЕР, П. (1995): *Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике*, М.
- СЕЛЬЕ, Г. (1987): *От мечты к открытию*, М.
- ТОЛСТОЙ, Л.Н. (1952): «Письмо Н.Н. Страхову 23 апреля 1876 г.», Полн. собр. соч. В 90 т., М., т. 62.
- ТУРГЕНЕВ, И.С. (1980): *Рудин. Дворянское гнездо*, М.
- ШУБИНА, Н.Л. (1999): *Пунктуация в коммуникативно-прагматическом аспекте и её место в семиотической системе русского текста*. Автореф. дис. ... докт. филол.наук, Спб.
- ЩЕРБА, Л.В. (1957): *Избранные работы по русскому языку*, М.
- ЩЕРБА, Л.В. (1983): *Теория русского письма*, Л-д.
- GELB, D. (1952): *A study of writing. The foundation of grammatology*, L.